

— Ты что, столкнулся там с чем-то? — Тан Яньцин нахмурился, разглядывая человека, который отсутствовал всего ничего, а уже успел обзавестись новыми ранами.

Казалось, этому парню совершенно плевать на собственное тело, будто он вовсе не чувствовал боли. Кровь из запястий Линь Цинъюя уже перестала течь, но раны выглядели пугающе. К тому же сами запястья, возможно, из-за грубой попытки остановить кровотечение, выглядели крайне плачевно.

— Ничего особенного.

Линь Цинъюй не считал Тан Яньцина обычным NPC. Все его поведение было слишком самобытным, совсем не похоже на запрограммированные действия Системы. Раз Тан Яньцин хочет скрываться, то и ему нет нужды болтать лишнее.

Тан Яньцин лишь с легкой досадой посмотрел на него, но расспрашивать не стал. В этом данже не было никаких подсказок, он и сам бродил в потемках. Линь Цинъюй везло, да и соображал он неплохо, так что держаться рядом с ним было выгодно. Однако, глядя на израненное тело парня, Тан Яньцин искренне злился. Ему казалось, что такой яркий и вызывающий, подобно розе, человек должен быть безупречно чист и окружен заботой.

Линь Цинъюй не заметил перемен в настроении Тан Яньцина. Он просто вернулся к лифту, намереваясь осмотреть четвертый этаж. Проходя мимо одной из комнат, он внезапно услышал шум, доносившийся изнутри, причем довольно громкий. Линь Цинъюй остановился, положил руку на дверную ручку и медленно нажал. Как только дверь подалась, они оба замерли по обе стороны проема, прислушиваясь к тому, что происходит внутри.

Прошло несколько секунд, но никто не бросился на них. Тан Яньцин хотел было спросить взглядом, что происходит, но увидел, что Линь Цинъюй уже стоит у самого проема и заглядывает внутрь.

В комнате Юй Чжао сжимал в руках нечто, похожее на бортик больничной койки. Его лицо и одежда были залиты кровью. Уголки его губ приподнялись в безумной улыбке, а на полу перед ним лежал труп. Тело на полу было покрыто грязью и кровью, так что разобрать, кто это, было невозможно. Но одно стало ясно: этот человек только что был убит Юй Чжао.

Тот, кто находился внутри, почувствовал движение у входа, медленно повернул голову и сразу же наткнулся взглядом на Линь Цинъюя.

— Линь Цинъюй... — его голос звучал хрипло и неприятно, словно наждачная бумага по школьной доске.

Линь Цинъюй холодно взглянул на него, не проронив ни слова, лишь молча оценивая обстановку. Не дождавшись ответа, Юй Чжао вдруг разразился хохотом:

— Ха-ха-ха-ха! Линь Цинъюй, ты обязательно здесь сдохнешь! Даже если у тебя есть зацепки, что с того? Ты все равно не найдешь способа выбраться.

Сказав это, Юй Чжао сделал шаг назад, и его фигура начала медленно растворяться в воздухе. Перед тем как исчезнуть окончательно, он напоследок бросил с вызовом:

— Линь Цинъюй, ты ведь такой дерзкий, да? Ты обязательно здесь сдохнешь. Как жаль, что я не смог убить тебя собственноручно, но узнать о твоём конце тоже неплохо. Я уйду. Больше не увидимся.

Когда Юй Чжао исчез, в комнате воцарилась тишина. Тан Яньцин, сохраняя невозмутимый вид, приподнял бровь, и в его голосе проскользнула нотка злорадства:

— Малыш, это твой враг?

— Нет.

Линь Цинъюй не знал, что такого Юй Чжао обнаружил случайно, но не считал подобных людей угрозой. Даже если он выжил — что с того? Это лишь временно, не так ли?

Он направился к лифту, но перед тем, как нажать кнопку, что-то вспомнил и развернулся, чтобы заглянуть в комнату, где прятался ранее. Там было пусто, бумаги валялись в беспорядке — очевидно, здесь произошла ожесточенная схватка. Не обнаружив никого, Линь Цинъюй не стал тратить время на поиски и вернулся к лифту.

Уже войдя в кабину, прежде чем двери закрылись, Линь Цинъюй внезапно придержал кнопку открытия и, слегка вскинув подбородок, бросил:

— Выходи.

Тан Яньцин тихо усмехнулся. Его низкий голос прозвучал в лифте как-то особенно мелодично и призрачно:

— Малыш, ну зачем же так жестоко? Мне ведь тоже будет страшно оставаться одному.

Линь Цинъюй бросил взгляд на его рабочий бейдж. Хотя он ничего не сказал, смысл был ясен.

— Малыш, ты ведь тоже понял: я не такой, как они. Я вовсе не хочу оставаться там навсегда.

Линь Цинъюй убрал руку и не стал настаивать, лишь слегка закусил губу, чувствуя, как от этого голоса у него слегка зудят уши. Даже если он не был ценителем голосов, слушать такое

было настоящим удовольствием.

Четвертый этаж показался быстро. Как только двери лифта открылись, яркий свет залил их лица — здесь было куда спокойнее, чем в коридоре третьего этажа. Линь Цинъюй вышел и направился прямо к концу коридора.

Стоило им пройти, как двери палат, до этого плотно закрытые, стали одна за другой бесшумно отворяться. Внутри царил мрак, невозможно было разглядеть, что там, но чувствовалось, как некие чудовища затаились в темноте, ожидая удобного момента для нападения. Они не знали, кто там скрывается, но, когда открылась ближайшая к ним дверь, ускорили шаг.

Линь Цинъюй услышал шорох, похожий на звук трущейся о пол одежды. Как только они добрались до комнаты в конце коридора, дверь рядом с ними тоже отворилась.

Щелк.

Последняя дверь была заперта, она не поддавалась. Тан Яньцин обернулся, глядя туда, откуда доносились звуки, и впился взглядом в самую первую комнату вдаль. Через несколько секунд он увидел, как оттуда выползает искаженная фигура. Существо двигалось не слишком быстро, но и не медленно. Искаженным оно казалось потому, что передвигалось на четырех конечностях, а его руки и ноги, словно переломанные, были вывернуты вверх, опираясь лишь на суставы. При этом голова существа держалась на одном лишь тонком лоскуте кожи и вот-вот готова была отвалиться.

Тан Яньцин слегка приподнял бровь, продолжая улыбаться:

— Малыш, это нечто выглядит... чересчур экстравагантно. Не хочешь взглянуть?

Линь Цинъюй пытался справиться с замком и поначалу не хотел обращать внимание, но все же невольно обернулся.

— ...Ты о котором из них?

За эти несколько секунд из других палат одна за другой начали выползать другие странные твари. В мгновение ока они едва не заполнили весь коридор. Свет ламп позволял рассмотреть их во всех подробностях, и от вида этих существ, ползущих прямо на них, сердце готово было остановиться.

Когда звуки ползающих тварей раздались даже из ближайшей к ним комнаты, Линь Цинъюй замер, перестав возиться с замком. Тан Яньцин, прислонившись к стене, не торопился:

— Что, малыш, решил сдаться?

— Не открывается. Ждем смерти.

Линь Цинъюй взглянул на него с легкой иронией в глазах, ни капли не страшась надвигающейся гибели. Они стояли так какое-то время, и Тан Яньцин уже было открыл рот, чтобы что-то сказать, как вдруг услышал, что дверь перед ними отворилась, и проглотил готовые сорваться с языка слова.

<http://bllate.org/book/20571/2055508>